

8.06.04
ББ

РЕВЮ

«Из всего, что я записал, я выбрал бы минут на сорок — едва хватило бы на один диск. Отдельные вещи, там-сям, за которые мне не стыдно. К сожалению, таких записей маловато, я в свое время много глупостей делал»
Михаил Плетнев — Газете

Михаил Плетнев: «Музыка существует только тогда, когда она звучит» Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Вы приехали на фестиваль как гость Валерия Гергиева. Давно ли вы сотрудничаете с ним?
Так давно, что и не упомяну, когда это сотрудничество началось. Кажется, мы впервые играли с ним вместе где-то в Чехословакии. А за последний год выступали в Москве, затем в Берлине. Программа была та же, что и на Пасхальном фестивале, — Третий концерт Рахманинова.

Недавно в Германии вы уже как дирижер открывали статусное мероприятие, на котором присутствовали президенты обеих стран, — Дни культуры России в Германии. Почему вы были с питерским Заслуженным коллективом России, а не с вашим Российским национальным оркестром?
Мне предложили выступить, и я ответил, что продиржирую с удовольствием. У меня было свободное время, я мог прилететь в Берлин. Оркестр оказался хороший, с ним было приятно работать. Вот, собственно, и все...

Как развивается сотрудничество РНО с Кентом Нагано?
Да мы уж давно сотрудничаем. Времени, конечно, у него мало, но кое-какие проекты намечаются; я сейчас не хотел бы уточнять, какие именно. К сожалению, многое из запланированного нами по разным причинам отпало.

Каково нынешнее состояние оркестра?
Оркестр играет замечательно. Я, честно говоря, им доволен. Он стал лучше, чем был раньше.

Чем вы это объясняете?
Некоторой санитарной обработкой.

И кто его занимался?
По счастью, не я, а Спиваков. Те элементы, которые наименее меня устраивали, ушли в другой оркестр. На их место пришла замечательная молодежь, которая не только хорошо играет, но и вносит совершенно новое отношение в самый процесс музицирования.

Как вы могли бы охарактеризовать нынешнюю ситуацию, сложившуюся на московском оркестровом поле? Не слишком ли много оркестров?
Да масса глупостей происходит — я уж и не знаю, что говорить по этому поводу. Когда ничего не можешь изменить, лучше помолчать.

Но почему же? Мнение авторитетного лица может кое-что изменить. А если высказанное слово отражает общественные ожидания, оно может сработать как катализатор: пойдет реакция, начнутся качественные изменения...
Не знаю, не уверен. Я вообще не уверен, что общественное мнение что-то значит в переживаемую нами эпоху. Но я рад за вас, что вы так думаете. С такими мыслями легче жить. К сожалению, реальность не дает повода для какого-то оптимизма. Мне по крайней мере... Я рад бы думать так, как вы, но не могу.

Каково сейчас финансовое положение оркестра — президентские гранты вас ведь обошли?
Обошли.

И как вы выживаете?
С трудом.

Почему же вас не включили в инициативную группу, распределявшую гранты?
Мне кажется, надо с другой стороны подойти — кто, как и каким образом распределял гранты, почему я не принимал в этом участия. Это вопрос не ко мне.

Вы не так часто выступаете в Петербурге как пианист. В последний раз я слышала вас в Первом фортепианном концерте Бетховена и обратила внимание на то, как иронично, дистанцируясь от композитора, вы его сыграли. Это ваша обычная позиция по отношению к заигранным до дыр сочинениям?
Я не ставил это своей целью. Но авторский текст — вещь чрезвычайно важная для изучения. Одного только текста недостаточно; на самом деле музыки в тексте не существует. Музыка существует только тогда, когда она звучит. А текст — не более чем материал для творческого осмысления.

На фестивале вслед за вами выступали еще четыре пианиста, которых с некоторой натяжкой можно отнести к единой школе русского пианизма. Как вы относитесь к понятию школы? Если вы о Владимире Фельцмане — мы с ним вместе учились у Флиера. Еще раньше — у Евгения Михайловича Тимакина, в десятилетке. Тимакин был уникальным педагогом и замечательным человеком; он умер совсем недавно, примерно месяц назад. А понятие школы несколько разнородно. Настолько, насколько разнятся личности педагогов, лидировавших в процессе отечественного музыкального образования. В Московской консерватории, скажем, работали Игумнов и Нейгауз. Они были настолько разными, что единой школой это назвать никак нельзя. Потом все перемешалось. Поэтому ни о какой чистоте школы говорить сегодня невозможно, и уж тем более причислять к русской школе Нейгауза... Не понимаю, на каких основаниях? Я игумновскую школу представляю. Игумнов учился у Зилоти, а Зилоти был учеником Листа. А Нейгауз — он учился у Лешетицкой, кажется, точно не помню... Я считаю особенностью русской школы прежде всего искусство звучания — для меня по крайней мере это так, не знаю, как для других. То есть как звучит рояль. Рахманинов, Горовиц, Игумнов тот же... Сейчас же на рояле долбят, кто как может: играют быстро, очень громко, большей частью бессмысленно. И что тут остается от истинно русской школы, я вам не могу даже сказать. Для меня — ничего. Для вас — не знаю.

Но сохранились ведь отголоски старой русской школы...
Давно уже не слышал представителей старой русской школы. Слышу такую школу, которую можно назвать пострусской или, если хотите, постсоветской. Она возникла из необходимости получения первых мест на различных международных конкурсах. Атлетическая игра,

я не поклонник такой. Но чтобы получить премию, нужно брать именно такой игрой. Ну и я тоже получил премию в свое время. Не знаю почему — я так не играл. Хотя, может, и было в моей игре что-то такое, не знаю...

А вы не допускаете мысли, что вы играли умно и осмысленно и в жюри нашлись люди, способные это оценить?
В последнее время я вижу, что люди, которые играют более осмысленно, ничего не получают. Карьеру делают те, кто играет громко и быстро. Это общая тенденция. Какие-то исключения из нее бывают, конечно. Луганский, пожалуй... Впрочем, я не слишком хорошо знаю нынешних пианистов.

То есть вы считаете, что в фортепианном исполнительстве наступает кризис смысла, смысл выхолащивается?
Во всяком случае отношение к звуку у нас далеко отошло от былой русской школы. В моем же понимании звук представляет собой некую ценность.

Но качество звука зависит во многом от стиля исполняемого сочинения. Когда вы играете Гайдна или Скарлатти — один звук, когда Рахманинова — другой...
Да не в стиле дело. Каков бы ни был стиль, отношение к звуку не должно выходить за эстетические рамки.

Вы передаете свое отношение к звуку, свой опыт ученикам?
У меня нет учеников.

Но это же непоследовательно; если крупные музыканты отказываются преподавать, не есть ли это одна из причин наступления кризиса?
Крупному музыканту необязательно заниматься педагогикой. Достаточно, что он подает пример того, как нужно играть. Рахманинов, например, не занимался педагогикой. Да и Горовиц, кажется, тоже.

Да нет, кое-какие ученики у Горовица время от времени появлялись. Дело не в этом. Педагогикой должны заниматься люди, которые сидят с учениками изо дня в день и следят за их развитием. Но они должны понимать что-то в этом деле. В этом вся проблема.

Вы много записываетесь и соло, и с оркестром. Как вы относитесь к институту записей в целом?
Хорошо отношусь. Когда запись хорошая, ее и послушать приятно. К сожалению, мне не удалось пока сделать хорошие записи. Из всего, что я записал, я выбрал бы минут на сорок — едва хватило бы на один диск. Отдельные вещи, там-сям, за которые мне не стыдно. К сожалению, таких записей маловато, я в свое время много глупостей делал. Слишком много. Сейчас, под конец моей карьеры, взял бы и записал все с самого начала; все, что пока еще могу сыграть.

По-моему, вы сейчас в расцвете сил, вам всего сорок шесть. Какой конец карьеры, о чем вы говорите?
Лист закончил концертную деятельность, когда ему было тридцать. Я уже немножко

ко затынул это дело. Совсем отказываться от концертирования, наверное, не стоит. Отдельные концерты я, конечно, буду играть, без них будет скучно жить. Посмотрим...

Может быть, вы хотите всецело отдаться композиции — есть ведь и эта грань в вашей деятельности?
Да можно было бы и посочинять. Тоже трудное занятие, знаете ли.

Вы все время собой недовольны. Почти все, что вы записали, вам не нравится...
Вся беда в том, что когда я собой доволен, этого не записывают почему-то. Записывают обычно тогда, когда я недоволен. Закон подлости.

Так это же спонтанно выходит; тогда надо живьем записывать каждый концерт.
Когда случается такой момент, записывающих не оказывается под боком.

Вам нравится приезжать в Петербург или это не ваш город?
Город очень красивый. Нерусский, конечно, но все равно очень красивый. Я восхищаюсь им и восхищаюсь швейцарскими архитекторами, которые его сделали. Удивительно, как они нашли стиль, который нигде и никогда больше не повторяли. Даже в их родной Швейцарии ничего подобного нет.

Вы чувствуете себя более комфортно в Москве?
Да нет, не то чтобы...

Так где вам бывает комфортно?
Трудно сказать. С этой кочевой жизнью человек теряет ощущение и дома, и комфорта, и вообще всего.

Вы будто тяготитесь такой жизнью.
Я никогда не понимал, зачем вообще этим занимаюсь. Я ненавижу путешествия. Один вид самолета приводит меня в тошнотворное состояние.

Чем же вам хотелось бы заниматься?
Музыкой. Но сейчас она находится в такой обертке, внутри тотальной музыкальной индустрии, которая мне не нравится. Такая уж натура.

Но ведь многое зависит и от того, занимаетесь вы музыкой как исполнитель или как композитор. Сочинять можно сидя на берегу озера. Это вам бы больше подошло?
Тогда нужно было бы бросать играть на рояле. Но иногда ведь и поиграть хочется. Тут все дело в правильном регулировании своего времени — это мне никогда не удавалось.

Говорят, наш век — век исполнительства, а не сочинительства.
Абсолютно правильно. Фактически музыка закончилась, она теперь живет лишь в исполнениях. Я имею в виду классическую музыку — ту, что существовала три последних века. Конечно, какая-то другая музыка еще будет. Но тот феномен, который мы называем классической музыкой, угаснет. И можно лишь преисполняться

чувством гордости, вспоминая, сколько великих личностей этот феномен дал — Баха, Бетховена, Чайковского.

Золотой век классической музыки — это то, что мы лучше всего знаем. Но были же замечательные образцы и до семнадцатого века.
Они не относятся к понятию «классическая музыка». Конечно, музыка была и в Древней Греции. Искусство Древней Греции закончилось, но тем не менее число туристов, которые приезжают туда посмотреть на полуразрушенные античные храмы, огромно. Так и здесь: классическая музыка закончилась, но туристы — в виде публики — пока ходят. Значит, этот феномен их интересует. И число исполнителей сегодня тоже переходит все разумные пределы.

В ваших ответах сквозит неизбывный пессимизм, словно вы не ждете ничего хорошего ни от будущего, ни от себя лично. Но есть ведь и оптимистические модели развития, почему они вам не близки?
Я не мизантроп. Я жалею людей, которые вынуждены жить в предлагаемых им сегодня обстоятельствах. Вообще только в России могут задавать такие вопросы. За границей меня никто никогда ни о чем подобном не спрашивает. А здесь каждый озабочен тем, как жить дальше, почему жить, ради чего жить. В этом смысле Россия — уникальная страна. Жаль, что ее в мире совсем не замечают, не принимают в расчет. Никому не интересно, о чем здесь думают люди, что здесь происходит.

Разве? Во всех театрах мира идут оперы Чайковского, везде играют Рахманинова, Прокофьева, Шостаковича...
Это другое; русскую культуру знают, уважают и изучают. Но это культура прошлого. А то, что происходит в России сегодня, какие культурные идеи здесь возникают, — это никому не интересно.

газета

пианист, дирижер, композитор

Михаил Плетнев родился в 1957 году в Архангельске. В Московской консерватории учился в классе Якова Флиера. В 16 лет завоевал Гран-при международного юношеского конкурса. В 1978 году победил на Международном конкурсе имени Чайковского. В 1990 году создал Российский национальный оркестр (РНО). Выступает как пианист и дирижер с лучшими оркестрами мира. На фирме Deutsche Grammophon записал ряд сольных дисков. Автор Классической симфонии, Альтового концерта, Триптиха для симфонического оркестра, Фантазии на казахские темы для скрипки с оркестром. Лауреат премии Ленинского комсомола (1978). Лауреат Государственных премий 1992 и 1995 годов. В 1997 году удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени.